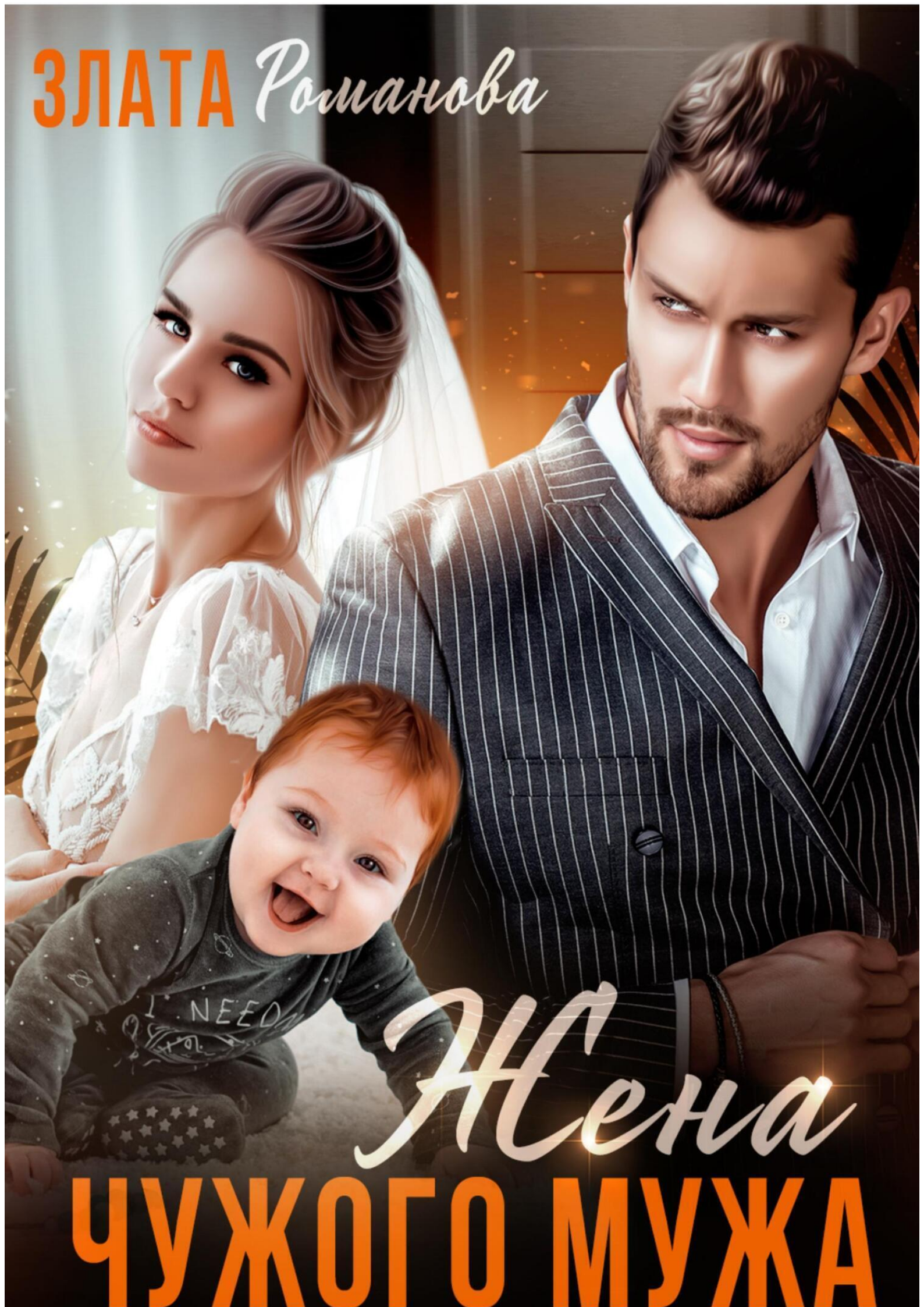

ЗЛАТА Романова

Жена

ЧУЖОГО МУЖА

Злата Романова

**Жена чужого мужа.
Счастье взаимы**

«Автор»

2022

Злата Романова

Жена чужого мужа. Счастье взаимно / Злата Романова —
«Автор», 2022

Булат Тагиров бросил меня, как неисправную игрушку, после нескольких лет счастливого, но бездетного брака, но через два года снова появился на моем пороге, раненный, с ребенком на руках. Всучив мне маленького кроху, бывший муж потребовал, чтобы я его сохранила, и исчез, пообещав вернуться за ним. Вот только я уже не хочу отдавать ему и его жене малыша, который стал для меня целым миром. А Булат, против моей воли, снова втягивает меня в свою жизнь, шантажируя ребенком, не нужным своей матери, но очень любимым мной.

© Злата Романова, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Злата Романова

Жена чужого мужа. Счастье займы

Пролог

Я просыпаюсь ночью от громкой трели звонка и ударов в дверь. Испугавшись, в панике вскакиваю с кровати и бегу открывать, даже не потрудившись посмотреть в глазок. Однако, распахнув дверь, обнаруживаю самую странную картину: Булат, держа на руках извивающегося и орущего ребенка, сам весь окровавленный и едва держась на ногах, вваливается в мою прихожую, захлопывая за собой дверь и прижимаясь к ней спиной для опоры.

Я не могу поверить своим глазам. Просто не могу. Это не галлюцинации? Мой бывший муж реально сейчас стоит в моей квартире с ребенком на руках? Который, кстати, все еще истошно вопит и которого он буквально пихает мне в руки.

Я автоматически перехватываю извивающееся тельце, чтобы Тагиров его случайно не уронил, и на его сером изможденном лице мелькает облегчение.

– Вита, нет времени объяснять, внимательно слушай! – взяв меня за плечи, настойчиво говорит Булат. – Позаботься о ребенке, слышишь? Я вернусь и заберу его через несколько дней.

– Булат, что ты такое...

– Нет времени, Вита! – слегка встряхивает он меня. – Просто сохрани его. Мой отец мертв, ребенок в опасности. Пожалуйста! Я скоро вернусь за ним.

И, прежде чем я успеваю остановить его, Булат, так же стремительно, как и появился, исчезает в ночи, оставляя меня растерянно стоять с орущим ребенком со следами крови на одежде и таким же багровым от возмущения лицом.

– Кто же ты такой? – спрашиваю я совсем еще крошечного, наверняка новорожденного, малыша, с которым совершенно не знаю, что делать.

Я растеряна и напугана, но несмотря на всю боль и обиду, которую принес мне бывший муж, я не звоню ни в полицию, ни в органы опеки, потому что интуиция кричит не делать этого, а Булат всегда учил меня прислушиваться к шестому чувству, которое не раз спасало ему жизнь в прошлом.

Малыш в моих руках никак не может успокоиться, так что я прихожу к выводу, что нужно его накормить. У моей соседки с третьего этажа есть двухмесячная дочка, она могла бы мне с этим помочь, так что, поборов свое нежелание беспокоить человека в три часа ночи, я снимаю заляпанный кровью зимний комбинезон с ребенка, обнаруживая под ним белый слип, и укутав его в плед, несу вниз, звоня в дверь Тани.

Мне открывает ее заспанный муж Толя, с удивлением глядя на меня.

– Толя, прости, что так поздно, но у меня ЧП! – говорю сквозь громкие рыдания младенца на своих руках. – Нужно накормить ребенка, а у меня ничего нет.

– Заходи, – хмурясь, пропускает он меня и сразу ведет на кухню. – Бутылочка есть?

– Ничего нет, Толь. Мне его только что завезли, а сумку с вещами забыли.

Он берет со стойки одну из вымытых бутылочек своей дочки и включает чайник, пока я пытаюсь укачать ребенка. На кухню заходит сонная Таня, протирая глаза.

– Что происходит?

– Моя двоюродная сестра только что заезжала и оставила мне ребенка, потому что ее муж попал в аварию и ей нужно к нему в больницу, – придумываю я на ходу. – Она забыла отдать сумку с его вещами, а он голоден. Простите за беспокойство, пожалуйста, но я не знала, что еще можно предпринять в середине ночи! Он никак не успокаивается.

– Давай я попробую, – устало протягивает руки Таня и я передаю ей ребенка, но даже опытной мамочке не удается его успокоить. – Может пустышку ему дать? Держи, я сейчас принесу. У меня как раз есть еще нераспакованная.

Отдав мне малыша, она уходит в детскую, а Толя, проверив температуру воды, готовит смесь и быстро взболтав бутылочку, передает ее мне. К счастью, опыт с детьми у меня хоть и небольшой, но есть, благодаря племянникам, так что я знаю, как кормить и переодевать. Сую в крошечный ротик ребенка соску и он не сразу, но реагирует, начиная кушать. К этому моменту возвращается Таня с пустышкой в упаковке.

– Толя, иди спать, тебе на работу утром, – говорит она мужу и тот уходит, чмокнув ее в макушку. – Вита, я отсыплю тебе немного смеси на утро и дам подгузники. Бутылочку эту тоже можешь забрать, она у нас все равно запасная.

– Спасибо большое, Тань! – искренне благодарю ее. – Ты не представляешь, в каком я отчаянии была.

– Да не за что. Надеюсь, с мужем твоей сестры все будет хорошо.

Она приносит мне два подгузника, отсыпает смесь и провожает до двери. Я еще раз благодарю ее и поднимаюсь на лифте в свою квартиру, продолжая кормить медленно сосущего малыша. К тому моменту, когда я захожу в свою спальню, он осилил лишь половину бутылочки, но его глазки уже закрываются. Осторожно кладу его на кровать и малыш, так и не доев до конца, засыпает, наверняка измученный своим продолжительным плачем и приключениями этой ночи.

В сердце щемит от жалости, когда я думаю о том, какой стресс он, наверняка, испытал. Такой маленький и разлученный с мамой. Ведь наверняка у него она есть, он выглядит сытым и ухоженным, одежда качественная, а щечки пухлые. И что мне с ним делать? Как скоро вернется Булат? И вернется ли?

Вопросы не дают уснуть. Я лежу рядом с тихо спящим ребенком, внимательно рассматривая его в свете ночника. Предполагаю, что это мальчик, потому что его верхний комбинезон был синим и явно не девчачьим. Логика говорит о том, что это сын Булата. Как же иначе? У него есть молодая жена, не искалеченная и бесплодная, как я. Да и стал бы он так рисковать ради чужого ребенка и приносить его мне? Ведь Булат едва держался на ногах, его состояние было тяжелым, но он спас этого малыша, какая бы опасность ему не грозила.

Слезы одна за другой падают на подушку, потому что все в моей груди горит от боли. Сначала они тихие, с примесью смирения и отчаяния, но постепенно превращаются во всхлипывания, а после и в рыдания, которые я пытаюсь приглушить, зарывшись лицом в подушку и задыхаясь от собственных неконтролируемых эмоций.

Как он мог так поступить со мной?

Этот вопрос мучает меня уже два года, не давая забыть, двигаться дальше. И даже когда кажется, что все прошло, что я отпустила, оказывается, что боль лишь затаилась, чтобы снова нахлынуть лавиной в тишине одинокой ночи, или в середине ясного дня, стоит только уловить мимолетный запах аниса или поймать взглядом темную макушку похожего, но не являющегося Булатом Тагировым, мужчины.

Я ничего не знаю о нем. Да, он богат, но не знаменит, если только это не криминальные круги, в которых он родился. Его нет ни в соц. сетях, ни в новостях. У меня не осталось ни единого знакомого, кто знал бы о нем хоть что-то. Словно я прожила три года с призраком, а не с человеком.

И теперь вот это.

У Булата есть сын. Такой долгожданный и желанный. Назвал ли он его Асадом, как планировал назвать нашего с ним сына, родился он когда-нибудь? Асад – значит лев на их языке, а он всегда говорил, что наш сын будет львом. И этот малыш действительно похож на львенка. У него густые рыжие волосики, чем не львиная грива? И хотя на Булата с его черными волосами

и смуглой кожей мальчик ни капельки не похож, я все равно уверена, что это его сын. Потому что глаза не лгут. А у малыша именно его глаза – темные, как кофе. И даже вырез... Похож.

Каким же жестоким уродом нужно быть, чтобы подбросить мне своего сына? Я думала, Тагиров уже достиг своего предела в тот день, когда бросил меня, но я ошиблась. Он оказался еще хуже, чем я считала. Разве мало я пережила после его предательства? Он ведь ничего от меня не оставил, уничтожил, как человека, как личность.

Сейчас уже бывают дни, когда я просыпаюсь утром, не думая о нем, радуясь редкому зимнему солнышку и улыбаясь прохожим, которые не замечают красоту простого момента. Меня в такие дни радуют даже самые простые мелочи, вроде вкусного кофе и быстро сформированного отчета на работе. По пути домой я захожу в какой-нибудь ресторанчик и вкусно ужинаю, а зайдя в пустую квартиру, не ощущаю одиночества, наслаждаясь интересной книгой или фильмом. Мое сердце не болит. Не помнит.

Но потом наступает ночь...

Холодная, безжалостная ночь давит на меня, заставляя в полной мере ощутить всю безысходность, которая наполняет мое существование с того момента, как он ушел.

Булат был моим счастьем. А теперь этого счастья не стало, осталась лишь возможность радоваться мимолетным вещам, которая, впрочем, иллюзорна и исчезает, стоит мне скинуть с себя оцепенение, в котором я живу при свете дня. Притворяясь, играя роль, насилу улыбаясь и делая вид, что это искренне. Что моя радость – не иллюзия, а что-то настоящее. Но настоящим был только Булат. Его потеря иссушила мою душу, ослабила мой дух. Я просто не живу, выживаю без него, влача свое жалкое существование. И мне казалось, что нет ничего, что может сломить меня еще больше, но глядя теперь на этого ребенка, мне еще более невыносимо жить.

Ребенок Булата. Его сын. Тот, о котором мы так мечтали, но которого я так и не смогла ему подарить. Ущербная. Бракованная. Жена, которая не может дать семью. Неудивительно, что я оказалась не нужна ему такая! И я смирилась. Даже перестала ненавидеть его, потому что любовь всегда перекрывает. Но почему он снова поступил так со мной?! Зачем появился после двух лет молчания? И как мне заставить себя смотреть на этого невинного малыша, не перенося на него всю злобу и горечь, которую я ощущаю из-за его родителей? Как заботиться о нем, не вспоминая каждый раз, когда гипнотизировала глазами телефон в течение этих двух лет, надеясь, что Булат позвонит? Что я все равно нужна ему, что он понял свою ошибку, что тоже не может без меня.

Наивная идиотка! Жизнь ничему меня не учит и видимо, я до самой смерти так и останусь той, кем можно воспользоваться и кто никогда не откажет. Глупая, безотказная Вита, продолжающая жить пустой надеждой, несмотря ни на что.

Глава 1

Тогда

– Юбка слишком короткая.

– Что? – растерянно опускаю взгляд на свою юбку, которая заканчивается как раз над коленями.

– Я вижу ваши колени, – недовольно говорит Булат Булатович, словно они лично оскорбили его своим видом.

Я чувствую укол обиды, потому что всегда считала, что у меня красивые ноги. И юбка моя вовсе не короткая, а очень даже скромная! Даже сзади обтягивает не так сильно, как диктует мода.

– Хорошо, с завтрашнего дня я буду носить брюки, чтобы не оскорблять вас видом своих коленей, – не могу совсем уж не показать своего возмущения, потому что он уже достал.

И почему именно на мою голову свалился этот «дорогой, очень важный» инвестор и именно я должна «удовлетворять любую просьбу и не возражать» по прямому приказу моего непосредственного начальника? Получила повышение, называется! Если мне и дальше придется работать с этим придурком, то я точно вылечу с работы!

– Вы принесли мне отчет? – не обращая внимания на мой выпад, спрашивает Тагиров.

– Да. Но только за первый квартал. Я не успела охватить весь год, потому что слишком много информации. За второй и третий кварталы смогу закончить за выходные.

– Вы собираетесь работать в выходные? – вместо ожидаемых упреков, с любопытством спрашивает он. – Так не годится, Вита. Возьмите себе помощников, сколько потребуется, и закончите отчет в понедельник. Во вторник утром жду его на своем столе.

– Х-хорошо, – растерянная его доброжелательностью и неожиданной фамильярностью, бормочу я. – Можно идти?

– Идите, – усмехается мужчина, демонстративно опустив взгляд к моим коленям еще раз.

Выйдя из кабинета, который ему любезно одолжил заместитель генерального на время пребывания в нашем городе, я опускаю взгляд на свои ноги и убедившись, что не испачкалась и не оцарапалась, что могло бы привлечь его внимание, иду к себе, бормоча под нос ругательства.

Ну что за бесячий человек?! Всего два дня здесь, а я уже на грани нервного срыва.

«Вы опоздали на две минуты, Виталина Сергеевна».

«Вы принесли мне невкусный кофе, Виталина Сергеевна».

«Почему подпись на этом договоре поставили голубой ручкой, Виталина Сергеевна?»

«Мне не нравится мой отель, найдите мне что-нибудь получше, Виталина Сергеевна».

А ничего, что он живет в люксе самого дорогого отеля в городе? Где я найду ему лучше, если от съемного жилья он отказался?

И ручка, между прочим, была синяя, а не голубая, слепошара занудный!

А ведь я всегда считала себя очень терпеливым человеком. Молчала там, где другие не сдерживались, всегда пропускала мимо ушей грубость, оставаясь максимально корректной. Меня, наконец-то, повысили до должности старшего менеджера! Всего за два года в компании, в которой я трудилась не покладая рук, частенько задерживаясь после окончания рабочих часов и никогда не подводя начальство, как бы не поджимали сроки. До слез обидно, что все это может оказаться выброшенным в окно из-за какого-то зарвавшегося «большого босса». Потому что я реально могу в какой-то момент не выдержать его тупых претензий и высказаться от души, что неизбежно приведет к увольнению.

– Что, снова достает тебя? – сочувствующе улыбается Нина, с которой мы делим один кабинет на двоих.

– Не то слово. Сказал, что юбка у меня короткая, представляешь!? Вита, я вижу ваши колени. Тьфу, зануда!

– Может, это потому, что он кавказец? – предполагает Нина. – Их женщины вроде все закутанные ходят.

– Ой, не смей меня! Маринка ведь говорила, что он пригласил ее к себе в номер после работы, а я по сравнению с ней просто образец скромности.

– Я не склонна верить Марине, она часто выдумывает, чтобы набить себе цену, – хмыкает Нина. – Мол, я такая крутая, я отказала большому боссу.

Да, это вероятнее всего, потому что каким бы раздражающим козлом не был Булат Тагиров, а Марина ему неровня. Слишком уж он привлекательный, в этих своих дорогуших нестандартных костюмах, весь такой высокий, спортивный, с сексуальной щетиной на лице и пронизывающими темными глазами. Не хочется признавать, но женщину он может заинтересовать не только деньгами и наверняка встречается только с какими-нибудь эффектными моделями. Здесь едва ли такая найдется, я ведь уже знаю, какой он привереда, после случая с кофе и отелем.

– Не знаю, но в любом случае уверена, что он просто не нашел за что еще зацепиться, – отмахиваюсь от слов Нины. – Говорю тебе, Тагиров точно меня за что-то невзлюбил!

– Тогда это загадка, потому что ты самая милая сотрудница в нашем серпентарии, – говорит подруга.

Ага, милая. Можно подумать, я рада тому, что такая безотказная. Кому-то нужна помощь? Вита всегда поможет. Кто-то не справляется с работой? Вита научит и покажет. Дура одним словом.

Вот не зря мама всю жизнь говорила, что я без нее пропаду, что меня заездят. До двадцати лет учила меня быть решительнее, не уступать чужой воле, а как ее не стало два года назад – так я и сдалась своей природе. Папе и дела нет, как уехал после развода в Европу, так там и остался кочевать. Если хоть раз в год позвонит – и то, считай, событие.

– Ну ладно, он сказал, что я могу взять помощников, чтобы успеть закончить все отчеты в понедельник, – перехожу к делу. – Поможешь?

– Не откажусь от сверхурочных, – сияет Нина.

Единственный плюс в том, что именно меня прикрепили за Тагировым – он оплачивает сверхурочные из своего кармана. Полдня я занимаюсь своей основной работой, другие полдня уделяю сбору информации для него, плюс задерживаюсь на час-два после окончания рабочего дня. Не зря Маринка так завидует, я уже наработала на половину своей зарплаты. Потрачу эти деньги на что-нибудь приятное для себя.

– Спасибо, Нина. Вот увидишь, переживу эти адские деньки под его руководством и устрою нам настоящий праздник. Пойдем с тобой в тот дорогуший ресторан, о котором ты говорила.

В одном я была права, деньки были адскими, и работать под руководством пришлось вдвое усерднее. Особенно, когда наши отношения из разряда рабочих перешли в личные. Все-таки, мы с Нинкой обе ошиблись, Булат так доставал меня, потому что я ему понравилась и он хотел вывести меня на эмоции, но так как я всегда была сдержана, это лишь подогревало его интерес и его непомерные требования, пока, в конце концов, не грянул неминуемый взрыв.

Когда мужчины говорят, что у них нет определенного типажа и любят не за внешнюю красоту, они лгут. Мне нравятся рыжие. С большой грудью и попкой, желательно высокие. Игривые и ласковые, как кошечки. Уверенные в постели и в обществе. Так чем же так привлекла эта Виталина, мать ее, Сергеевна?!

Серой мышью ее не назовешь, она красивая, но ведь совершенно не в том смысле, который диктует мода. Не перекроенная. Даже маленькую горбинку на носике не убрала, хотя она

придает ей особый шарм, но я-то знаю, что в головах у современных девушек, как они все время стремятся к совершенству, пока не теряют индивидуальность, превращаясь в клонов друг друга, а эта тоже еще молодая, незрелая. Всего двадцать два года, но в глазах читается интеллект. Может меня тупо на умненьких потянуло? Нет, все равно внешностью зацепила.

Старая красота, как сказал бы мой покойный брат Селим. Он всегда таких любил. Девушка с картины, мать ее! И эта нежная фиалка со стальными нервами упорно продолжает общаться со мной, как с предметом мебели.

Что самое смешное, я заметил ее сразу, как появился в этом здании. Она бежала к лифту, в который я только зашел, и успев войти в последний момент, мимоходом улыбнулась мне, отворачиваясь к зеркальной стене, чтобы поправить выбившиеся из хвоста темно-русые волосы.

Ее грудь, хоть и не четверочка, но тоже довольно аппетитная, вздымалась от сбившегося дыхания, натягивая ткань строгой серой рубашки, пока она распускала густые шелковистые волосы и снова собирала их в тугий хвост, и я почувствовал, как напрягается мое тело от этого соблазнительного зрелища и аромата жасмина, легким шлейфом окутывающего воздух вокруг нее.

С каких пор меня потянуло на строгих училках? Потому что выглядела моя случайная попутчица именно так. Не считая, конечно, того, как соблазнительно обтягивали ее брючки округлую крепкую попку. Ух, я бы ее сейчас с удовольствием...

– Вы не возражаете? – прервал мои фантазии настороженный голос.

Красивый голос. Нежный, женственный. Черт, вот это я попал!

– Что? – рявкнул хрипло, потому что мозги затуманивало желание.

– Могу я выйти? – поднимая на меня большие синие глаза, робко попросила красавица.

Я загораживал ей выход. И я с удовольствием задержал бы ее, будь у меня больше времени, а так, пришлось посторониться и подняться на этаж выше, чтобы не опоздать на встречу.

С той первой встречи Вита стала просто одержимостью. Она работает в этой сраной компании, медленно, но верно идущей ко дну, но я все равно продолжаю торчать тут, хотя еще в первые дни пришел к выводу, что нам выгоднее ее ликвидировать, чем пытаться удержать на плаву. И все из-за нее. Из-за моей маленькой красивой помощницы, которая, кажется, терпеть меня не может. И это будоражит воображение лишь сильнее.

Я довожу ее до ручки снова и снова, жду того момента, когда она сорвется и не выдержит, выплеснет на меня скопившуюся агрессию и тогда-то настанет мой звездный час. Я мигом превращу эту злость в страсть. Потому что между нами искрит. И как бы Вита не злилась на мои непомерные требования, она все равно меня хочет. Я вижу это каждый раз, когда ее взгляд затуманивается при виде меня. Когда она отводит глаза, стоит мне заговорить с ней мягким тоном, и пытается выровнять учащенное дыхание, из-за которого ее сладкая грудь вздымается еще соблазнительнее.

– Это все, Булат Булатович? – резко спрашивает она в конце очередного рабочего дня.

Бедная девочка измотана и меня начинает колоть совесть. Черт, надо дать ей передышку.

– Нет, – говорю я сухо, потому что нельзя просто встать и подхватить ее на руки, чтобы устроить на своих коленях и дать расслабиться, пока я буду разминать ее тонкую шейку и плечи. – Через пять минут жду вас на парковке. Мы едем ужинать.

– Зачем? – смотрит на меня округлившимися глазами Вита.

– Исключительно по делу, – усмехаюсь я, зная, что она не посмеет отказаться.

За ту неделю, что я проторчал в этом городишке, я уже понял, что Вита редко возражает на приказы и даже просьбы других людей. Просто кипит изнутри, когда недовольна, но все равно делает то, что ей скажут. Бедная овечка. Будь у нас больше времени, я научил бы ее показывать зубки.

– Вита, что тебя держит в этом городе? – спрашиваю я, когда нас усаживают за столик в лучшем ресторане и дают в руки меню.

Она хмурится из-за того, что я перешел на ты, и поджимает губы.

– Разве мы не по делу сюда приехали, Булат Булатович?

– Это не праздный интерес, – отвечаю я. – Мои вопросы связаны с твоей работой. Считаю, что у нас собеседование.

– Вы хотите уволить меня? – пугается она.

– Нет, не усложняй, Виталина Сергеевна. Просто ответь мне.

– Я выросла здесь, – подумав, отвечает она. – Это мой родной город, все мои знакомые и друзья живут тут.

– А родные? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Успел нарыть информацию.

Она сразу же закрывается, выпрямляясь в кресле.

– У меня нет родных, кроме папы, но он живет в Европе. Я единственный ребенок в семье.

– Нет дядь и тетя? – интересуюсь я.

– Нет, – качает головой Вита. – Это может показаться странным, но даже двоюродных нет. А с дальними родственниками я даже не знакома, они всю жизнь прожили в Казани и лишь изредка созванивались с моей мамой.

– То есть, тебя здесь держит только привычка, – утверждаю я. – Отлично, Вита. Потому что я хочу предложить тебе переезд в Москву.

Предложение настолько ее удивляет, что она даже открывает рот.

– Но... почему? – сдавленным голосом спрашивает ошеломленная девочка.

– Потому что ты хорошо работаешь, – лгу я, хотя технически, она реально отличный работник, но нужна-то мне не поэтому. – Хочу предложить тебе должность в одной из компаний, в которые инвестирую. Ты произвела хорошее впечатление, Вита.

– Но я не собиралась переезжать... – растеряно лепечет она. – То есть, я даже не думала об этом никогда. Меня устраивает моя работа здесь.

Тем не менее, мои слова заставляют ее задуматься. Я вижу интерес на ее лице.

– Раз тебя ничего не держит здесь, то почему бы не попробовать что-то новое, Вита? Ты же молодая девушка, не обремененная семьей. Разве тебе не хочется улучшить свою жизнь? Получать больше денег, двигаться вперед по карьерной лестнице в одной из крупнейших компаний столицы?

– И вы предлагаете мне это просто так? – недоверчиво щурится она. – Без каких-либо условий?

– Никаких условий, – развожу руками. – Я просто хочу дать шанс трудолюбивому человеку, Вита.

– Спасибо, – все еще ища подвоха, неуверенно кивает она. – Я подумаю, Булат Булатович. Но я уже понимаю, что рыбка попала на крючок.

Глава 2

Сейчас

Малыш просыпается через три часа. Я только успеваю немного задремать, как он начинает шевелиться и кряхтеть, как недовольный маленький цыпленок. А потом снова раздается плач. Надо сказать, с легкими у капризного рыжика порядок.

Я сажусь на кровати и беру его на руки, пытаюсь укачать, но он продолжает плакать, размахивая ручками и едва не попадая себе в глаз. И плачу вместе с ним. Просто так, за компанию. Я и так распустила нюни этой ночью, так что мне особо и повод не нужен для нового потока слез из воспаленных глаз.

– Сейчас, потерпи секундочку, – пытаюсь успокоить малыша, одной рукой готовя ему смесь.

Удается сделать это с трудом, но я справляюсь и когда даю каризуле бутылочку, он успокаивается. Мы снова перемещаемся на кровать, где я укладываю его и надеюсь, что он снова уснет, как только наестся, но, когда смесь заканчивается, рыжик опять чем-то недоволен.

– Может памперс тебе поменять? – размышляю я вслух.

Насчет сестры я почти не солгала соседям, она у меня есть, и детки у нее тоже имеются, вот только она не двоюродная, а четвероюродная. Мы познакомились с Лизой впервые именно здесь, в Москве, когда нам обоим было уже за двадцать, но странным образом сразу сроднились и понравились друг другу. Она, можно, сказать, моя единственная близкая подруга и член семьи, и я сейчас очень рада, что благодаря ее чудесным деткам имею хоть какие-то навыки заботы о младенцах, потому что смена подгузника такому хрупкому и крошечному существу – дело не из легких.

– О, да ты и правда мальчик! – усмехаюсь я, сняв полный подгузник с малыша, чтобы заменить его на новый, который дала соседка. – Не возражаешь пока побыть в девчачьем? Обещаю, завтра купим тебе самые brutальные мальчишеские подгузники.

Маленький паренек перестает плакать, лишь недовольно кривя ротик, а когда я заканчиваю с его переодеванием, и вовсе затихает, умильно зевая. Я поглаживаю его по крохотной ножке, верх-вниз, успокаивающими движениями, и, о чудо, он засыпает!

Черт, мне же реально нужно купить ему хоть базовые вещи, необходимые детям! А работа? Я могу взять больничный на неделю, так как очень редко брала выходные и мне не откажут, но ведь придется ходить постоянно привязанной к ребенку, даже по магазинам. А если Булат не придет за ним в течение недели?

Нет, это вряд ли. Должен прийти, если не из-за себя, то хотя бы ради матери, которая точно захочет побыстрее забрать своего малыша. А до этих пор, придется мне как-то справляться.

Вспомнив о том, что комбинезон рыжика был заляпан кровью Тагирова, я быстро кидаю его в стирку, а потом и в сушилку. Часам к десяти можем выдвигаться, потому что мне точно понадобится помощь Лизы в детском магазине, а ее дети к этому времени как раз в детском саду. Утром, первым делом позвоню ей, а пока неплохо бы и самой поспать. Половина шестого уже, как никак.

– И ты просто отпустила его? – возмущается Лиза, которой я рассказываю события вчерашней ночи.

Она приехала сразу после моего звонка и мы засели с ней на кухне, потому что ребенок отрубился после девятичасового кормления.

– Я была в шоке, Лиз, – вздыхаю я. – Да я все еще в шоке! В голове просто не укладывается, понимаешь? Он исчез на два года и тут на тебе – появляется с ребенком, весь в крови, и исчезает в течение двух минут. Человек-призрак какой-то!

– А я тебе говорила, что нужно переехать. Ты замуровала себя в этой квартире, как в мавзолее вашего брака, неудивительно, что ты до сих пор одна. Никто не сделает тебя счастливой, кроме тебя самой, Вита. Уже пора, возьми себя в руки, наконец! Как только он заберет обратно своего ребенка, продай к черту эту квартиру и переезжай в другой район. Покажи этому уроду, что ему тут не запасной аэродром.

Я знаю, что она права, сама себе не раз это говорила, но при мысли о том, чтобы продать свой дом, место, где была так счастлива, мне физически становится плохо.

– Я подумаю об этом, – ухожу от темы, чтобы не спорить с ней. – Как думаешь, сколько денег мне понадобится на расходы?

– Ты не будешь тратить свои деньги на этого ребенка! – снова возмущается Лиза. – У тебя ведь есть его карточка, вот и трать с нее.

– Ты же знаешь, что я ею не пользуюсь, – хмурюсь я.

Уходя от меня, Булат оставил карточку с десятью миллионами рублей на мое имя. Словно откупился. Но я никогда ею не пользовалась, даже копейку не тронула, потому что верила, что еще увижу его и смогу бросить эту подачку ему в лицо.

– Для себя не пользуешься, а для его ребенка можно, – заявляет практичная Лиза. – Он ведь не оставил денег на его содержание, а дети сейчас недешево обходятся. Ты ведь большей частью зарплаты кредит за машину гасишь, как думаешь жить до конца месяца, если сейчас потратишь последние деньги на вещи для ребенка?

Об этом я не подумала. И черт меня дернул брать такую дорогую машину? Я уже сто раз об этом пожалела, но в тот момент мне казалось, что это единственная вещь, которая может принести мне радость и уверенность в себе. Я просто забыла, что не вещи делают человека счастливым, а его внутренние ощущения.

– Хорошо, – сдаюсь после недолгих раздумий. – Купим ребенку все необходимое, но ничего лишнего. И если мне будет не хватать, тогда используем карточку.

Эх, знала бы я, что Лизка по любому накупит столько всего, что своих денег мне точно не хватит...

– Зря ты не купила коляску, – вздыхает Лиза, когда мы присаживаемся в ресторанном дворике в торговом центре после покупок, кое-как уложив уснувшего малыша на диванчик. – Знаешь как удобно с ними ходить, когда не приходится таскать все время на руках.

– Он не проживет у меня больше нескольких дней, – хмурюсь я. – Одежды и еды вполне достаточно на это время.

– Его папаша от таких расходов не обанкротится, – язвительно замечает Лизка. – А вообще, ты заслужили эти деньги за моральный ущерб.

Когда мы с Булатом были еще вместе, они отлично ладили между собой, но вот после нашего развода Лиза его, по понятным причинам, возненавидела.

– Давай не будем о его деньгах, – хмурюсь я. – Булат хоть и козел, но тратя его деньги направо и налево, я поведу себя, как злопамятная истеричка. Мне хотелось выйти достойно из наших отношений и до сих пор мне это удавалось. Зачем давать ему знать, что мне не плевать на него? Что он меня задел, что все еще болит? Хватит с меня унижений.

Лиза обеспокоенно смотрит на меня и тяжело вздыхает.

– Ты права, Вита. Честно, я бы так не смогла. Всегда завидовала твоему терпению, хотя временами меня и бесит то, что ты делаешь. Так, что думаешь у него случилось? Раз уж он не постеснялся заявиться к тебе, словно это совершенно нормальный поступок.

– Не знаю, меня сама это мучает. Я сегодня пролистала новостные блоги и каналы, но там ничего не говорят про Тагиновых. Только несколько дней назад вышла короткая новость о том, что отец Булата умер, но никаких подробностей. Он явно был ранен и от кого-то скрывался, я уверена, Лиза. Про них ведь разные слухи ходят, хоть и не печатают все, как есть. Вдруг, его отца кто-то убил? Может у них вообще какие-то криминальные разборки, кто его знает.

– И он пришел к тебе, потому что ты с ним уже два года, как не связана. На тебя никто не подумает, – продолжает мою мысль Лизка. – А что, это логично.

– Да даже если связана, о нашем браке знали единицы, – морщусь я от унижительного факта. – В основном только мои знакомые.

Только при разводе я узнала, что Булат на самом деле был женат на мне незаконно. Он заключил брак, как Булат Юсупов, солгав мне, что сменил фамилию отца на материнскую из-за дел, связанных с ее собственностью, а люди продолжают называть его Тагиновым по привычке. Все оказалось ложью. Паспорт Юсупова был поддельным, запасным, да каким угодно, только не настоящим! А разводом он озаботился только для того, чтобы убрать штамп из моего паспорта, моя-то личность не подделка. Для всего мира он – Булат Тагиров и его законная жена совсем другая женщина. Лишь я оказалась фальшивкой, которая об этом не знала.

Малыш неожиданно просыпается с громким криком и я сразу тянусь к нему, ласково укачивая на руках. Он не голодный, так что быстро успокаивается, но я продолжаю держать его, внимательно рассматривая крошечное, но такое милое личико.

– Не привязывайся к нему, Вита, – мрачно предупреждает меня Лиза.

– Сама знаю, – грубо огрызаюсь я, за что тут же чувствую вину. – Прости, я вся на нервах. Не знаю, как ты справлялась с двумя сразу.

– Тоже вся на нервах, – отшучивается Лиза, у которой подрастают шаловливые трехлетние близнецы. – Я помогу тебе, чем смогу, Вита. Ты ведь знаешь?

– Знаю. Спасибо, Лиза. Уверена, Булат заберет его совсем скоро, так что я может и поспущаю пару дней, но забуду. Совсем не привязаться не получится, он ведь такой... Малыш, одним словом.

– Да, у малышей суперспособность заставлять взрослых влюбляться в них. Но Вита, если Булат не придет через неделю, ты должна заявить об этом. Обещай, что не будешь делать глупостей!

– Каких глупостей? – не понимаю я.

– А таких, как решение оставить ребенка у себя до тех пор, пока твой бывший бесстыжий муженек не вспомнит, что бросил на тебя своего сына. Это ведь может и на месяцы затянуться.

– Да нет, ты что! – отмахиваюсь я, не веря, что Тагиров так поступит. – Он скоро появится, вот увидишь. Никто ведь в здравом уме не бросит своего ребенка на чужую тетеньку. Да и его жена этого не позлит.

– Ну-ну, посмотрим, – хмыкает Лиза, смотря на рыжика в моих руках. – Все-таки, красивый малыш, явно не в отца пошел. Блин, извини!

Ее глаза округляются от ужаса, но я лишь криво улыбаюсь, думая о том, что мама малыша, должно быть, настоящая красавица, если он пошел в нее.

– Ничего, Лизка. Я и сама об этом думала. У Булата, наверное, очень красивая жена.

– И все равно с тобой никто не сравнится! – зло заявляет сестренка.

И хотя это неправда, я все равно чувствую тепло в груди от ее слов, потому что Лиза возмущена за меня больше меня самой, а это говорит о настоящей привязанности. Я знаю, что красива, но и у меня есть недостатки, исправлять которые я никогда не стремилась. Пусть другие женщины гонятся за идеальностью, я себя всегда устраивала такой, какая есть.

– Я польщена, но это едва ли имеет значение, Лиза. Я ни с кем не соревнуюсь.

– Тебе и не нужно, – говорит она. – Тагиров может хоть сто раз жениться, но такую, как ты, он больше не найдет. Если бы еще и ты поняла, что достойна большего. Почему снова отказала Сане?

– Не начинай, пожалуйста! – стону я. – Я не хочу встречаться с Саней, сто раз уже говорила.

Александр или просто Саня – это друг ее мужа и он несколько раз предлагал мне сходить куда-нибудь, но я не хочу. Мужчина он видный, конечно, но мне это не нужно. Мне вообще не хочется видеть рядом с собой мужчин, какими бы прекрасными они не были.

– Мы вернемся к этому разговору после того, как ты освободишься от роли няньки, – припечатывает Лиза.

– Нет, не вернемся, – настаиваю я. – Перестань, Лиза, и ради Бога, донеси уже до него, что со мной ему ничего не светит. Пусть встречается с другими.

– Дура ты, Вита, – раздраженно вздыхает она. – Вот реально – дура.

П-ф-ф, а то я сама этого не знаю...

Глава 3

Два месяца спустя

Я смотрю, как мой львенок от души потягивается на кровати, окончательно пробуждаясь от сна и хлопая карими глазками, и не сдержавшись, звонко целую его в обе щеки, прежде чем взять на руки и прижать к груди, поглаживая по вспотевшей спинке.

– Ты сегодня так долго спал, малыш, – нежно воркую я, зарывшись носом в его рыжие волосики. – Я скучала.

Асад спокойно лежит у меня на груди, все еще отходя от сна, и я наслаждаюсь этими минутами, потому что скоро он наверняка захочет есть и начнет ворочаться. Но дверной звонок все равно портит нашу идиллию и я нехотя иду открывать с ребенком на руках. Распахнув дверь, застываю на месте, чувствуя, как к горлу подкатывает желчь при виде Булата, стоящего на моем пороге. Здорового и невредимого.

– Здравствуй, Вита, – спокойно говорит он, делая шаг вперед, в квартиру.

Я отступаю, потому что он, вдруг, оказывается слишком близко, и Тагиров закрывает за собой дверь, отрезая нас от мира в небольшой прихожей.

– Где ты был? – спрашиваю я, отступая еще дальше от него.

Но это не то, что меня на самом деле волнует. Я прижимаю к себе покрепче Асада и тот возмущенно дергается, приводя меня в чувство.

– Прости, дела задержали меня на более долгий срок, чем я рассчитывал, – морщится мужчина. – Но, спасибо тебе, что позаботилась о ребенке. Теперь я его заберу.

– Нет! – говорю я, прежде чем успеваю подумать.

– Нет? – недоуменно переспрашивает Тагиров.

– Он только проснулся, надо его покормить, – тараторю я, чувствуя подступающую панику.

Черт, черт, черт! Я не могу с ним расстаться, не могу! Как же я без него? Это жестоко, невыносимо! Я так привыкла к Асаду, я начала думать, что Булат никогда не вернется за ним, но он пришел! А я... Как же я без своего львенка?

По щекам текут слезы, пока я иду на кухню и начинаю нервно готовить детскую смесь. Словно чувствуя мое состояние, малыш начинает плакать и Булат, пришедший следом за мной, протягивает к нему руки.

– Давай я его возьму.

– Нет! – поворачиваюсь к нему спиной, трясая в руках бутылочку и пряча ребенка от его взгляда.

Я знаю, что мне нужно успокоиться, но не получается. Все так же нервно направляюсь в спальню и положив Асада на кровать, даю ему поесть, что успокаивает детский плач, хоть и не мой собственный. Слезы отчаяния текут по щекам и то, что Булат их видит не волнует меня так, как волновало бы еще пару месяцев назад. Пусть, мне плевать на его мнение! Впервые действительно плевать, потому что больше всего, даже больше чувства собственного достоинства, меня волнует сейчас только мой малыш. Потому что он мой!

– Вита, – следует за мной и в спальню этот жестокий мужчина. – Послушай, я понимаю, что ты, возможно, привязалась к нему, но я должен... Черт! Мне жаль, правда! Я действительно не собирался оставлять его с тобой дольше, чем на несколько дней. Если бы я знал, что все так затянется...

– Тогда почему оставил? – спрашиваю осипшим голосом, пытаюсь рассмотреть сквозь слезы его лицо.

– Потому что на тот момент это было единственным безопасным местом для него, – отвечает Булат. – Я не могу рассказать подробнее, но это правда.

– Почему ты не оставил его у матери? – агрессивно спрашиваю я то, что меня давно волновало. – У него ведь есть мать?

– Конечно, есть. Но она на тот момент была нездорова и не могла позаботиться о нем.

– А сейчас может? – Громкий всхлип вырывается из моего горла, перерастая в глухое рыдание. – Отвечай!

– Сейчас, да, – говорит он, наблюдая за мной, как за диким зверем, готовым броситься на него в любую секунду. – Успокойся, ладно? Вдохни поглубже.

– Пошел ты! – рычу рассерженно, что пугает малыша и он, выплюнув соску изо рта, начинает плакать.

– Вита, успокойся! – твердо приказывает Тагиров, садясь на кровать рядом со мной.

Он протягивает руку к бутылочке, но я отвожу свою, не давая ему схватить ее, и беру на руки Асада, пытаюсь его успокоить.

– Т-ш-ш, не бойся, маленький, – шепчу ласково. – Все хорошо, все хорошо. Продолжай кушать, Асад.

К счастью, когда соска снова попадает в рот, малыш замолкает и начинает усердно есть дальше, а я поднимаю взгляд на Булата и глядя на каменное выражение его лица понимаю, что это конец. Как бы я не сопротивлялась, он все равно заберет у меня своего сына.

– Асад? – спрашивает бывший муж, словно не верит своим ушам.

– Разве не так ты назвал своего сына? – спрашиваю с вызовом. Как ни странно, но испуг малыша немного привел меня в чувство и восстановил самообладание.

– Я пока никак его не назвал. Не успел, – рассеянно бормочет Булат, внимательно разглядывая мальчика, словно впервые его видит.

– И что это значит? – недоумеваю я.

Но Тагиров игнорирует мой вопрос.

– Покорми его и одень потеплее, Вита. Вещи нам не нужны, у него все есть. Можешь отдать нуждающимся. Твои расходы я возмещу. Мы уйдем, как только он закончит есть.

– Нет! Не забирай его, Булат! – умоляю его, снова плача. – Пожалуйста, я не могу... Я же без него не смогу, понимаешь?

– Перестань, Вита! – раздраженно рывкает он. – Ты к нему привыкла, но это скоро пройдет. А как родишь своих детей, так и вовсе забудешь. Он был у тебя всего два месяца, а не несколько лет. Это не твой ребенок. Ты знала, что я за ним приду.

– Я уже считаю его своим, Булат! Ты ведь не пришел, ты исчез! Не на несколько дней, как обещал, а на два месяца!

– Это не имеет значения. У этого ребенка есть родители, которые нуждаются в нем, Вита, и твои истерики ничего не изменят. Не заставляй меня применять силу и просто делай, как я прошу.

Реальность бьет меня наотмашь. Не понимаю, что со мной происходит, почему я так сорвалась, но мое поведение неадекватно – это факт. Он ведь прав. Это не мой ребенок. Асад мне не принадлежит и я не имею никаких прав на него. Зачем я унижаюсь? Почему умоляю о чем-то этого бесчувственного гада? Мои мольбы никогда на него не действовали.

– Выйди, Булат, – говорю все еще дрожащим голосом.

– Нет.

– Выйди. Дай мне хотя бы попрощаться с ним наедине.

Наши взгляды скрещиваются и я вижу в его глазах ту бескомпромиссность, которую всегда ненавидела, но Тагиров, внезапно, уступает. Первым отводит глаза и отрывисто кивает в согласии.

– Хорошо. Только без глупостей.

– Я не умею летать, так что вряд ли сбегу с ним в окно, – говорю грубо, раздраженная тем, что предстала перед ним в роли какой-то неразумной истерички.

Мужчина молча выходит, и я остаюсь один на один с малышом, которого мне предстоит навсегда потерять.

«Не думай об этом! Потом. Попрощайся с ним так, чтобы не жалеть после» – мысленно говорю себе, пытаюсь бороться со слезами.

Мой львенок доедает и я поднимаю его вертикально, чтобы он срыгнул, изучая, как под микроскопом, каждую черточку его прекрасного личика. Поверить не могу, что это конец. Я совершила ошибку. Мне не нужно было любить этого мальчика, лишь заботиться о нем, но я привязалась. Он подарил мне настоящую радость, не поддельную, впервые за очень долгое время. Практически исцелил от боли, что съедала мое сердце. Теперь она вернется в двойном размере и я не знаю, как это переживу.

– Ну вот и все, малыш, – шепчу, улыбаясь ему в последний раз сквозь слезы. – Наверное, мы с тобой никогда больше не увидимся. Я надеюсь, что ты будешь счастлив, Асад.

Он смотрит на меня доверчивым взглядом и улыбается, чему научился совсем недавно, и это разбивает мне сердце. Я громко всхлипываю, прежде чем задушить в себе этот горький плач, а потом целую его маленькое личико и ручки и принимаюсь одевать в теплый слип, прежде чем еще раз расцеловать и отнести в гостиную, где ждет его отец.

Стоп! А отец ли? Булат ни разу ведь не подтвердил это прямо.

– Это твой сын, Булат? – спрашиваю я, как только мы снова оказываемся лицом к лицу.

– Да, – отвечает он без тени сомнения.

– Тогда почему ты не дал ему имя?

– Потому что меня не было дома, когда он родился, – нехотя отвечает он. – Я принес его тебе в тот же день, когда вернулся, не успел даже толком его рассмотреть, не то, что назвать. Это все. Как я сказал ранее, я не могу ответить на твои вопросы, так что бесполезно спрашивать почему я сделал то, что сделал, и какая опасность нам грозила. Главное – сейчас все устанилось. Он будет в безопасности дома, со своей матерью.

Сердце ухает куда-то вниз от последних слов, потому что я не хочу думать о его жене и матери Асада. Для меня ее не существует. Не хочу давать ей имя и внешность, я рада, что эта информация так и осталась сокрыта от меня и я никогда не расспрашивала о ней Булата.

– Я ненавижу тебя так, как только можно ненавидеть человека, Тагиров, – говорю ему, глядя прямо в глаза. – Надеюсь ты сгниешь в аду, потому что там тебе самое место! Забудь о моем существовании и никогда не появляйся перед моими глазами снова, потому что видит Бог, я тебя и убить могу, так сильно ненавижу тебя!

В этот момент я верю в свои слова, потому что даже один его вид, такой самоуверенный и непогрешимый, бесит меня так, что хочется расцарапать ему все лицо.

– Я учту твои пожелания, – бесстрастно отвечает этот козел. – Отдай ребенка.

Я смотрю на рыжика еще раз, не в силах наглядеться и каждый раз говоря себе, что это последний взгляд, и осторожно передаю в не слишком умелые руки Тагирова. Даже от запаха такого знакомого парфюма, когда мы оказываемся слишком близко, я начинаю лишь сильнее злиться и быстро отхожу, не в силах смотреть, как он направляется к выходу, унося того, кто стал моим смыслом за какие-то короткие несколько недель.

– Увидимся, Вита, – уже на пороге говорит мне Булат, но, прежде чем я успеваю осознать, что это не прощание, за ним уже хлопает входная дверь.

– Ах ты урод, никогда мы с тобой больше не увидимся! – кричу в закрытую дверь, прежде чем меня пробирают рыдания.

Я оседаю на пол и вою, свернувшись калачиком, потому что жизнь невыносима. Он снова вернул меня в то состояние, из которого я пыталась вырваться последние два года. Снова сделал это со мной – сначала осчастливил, а потом разрушил до основания.

Я плачу и плачу, не замечая, как день сменяется сумерками, а потом наступает ночь. Только физиологические потребности моего тела заставляют меня встать, чтобы посетить ван-

ную, а там мне в голову приходит глупая мысль, что холодный душ должен облегчить мое состояние, но от него я только получаю озноб к уже имеющимся душевным терзаниям. Закутавшись в большой махровый халат, я выхожу и нехотя включив свет в гостиной, натываюсь глазами на то, чего не замечала раньше – на журнальном столике лежит знакомая бумажка. Слишком знакомая, ведь я не раз видала, как Булат достает свою чертову чековую книжку, над которой я всегда смеялась, называя его старомодным выпендрежником. Этот мерзавец снова откупился от меня! Снова оценил мои чувства в денежном эквиваленте. Никогда в своей жизни я не испытывала большей ярости, чем сейчас!

Что же он за чудовище такое?!

Глава 4

Я едва доползаю до своей постели, проваливаясь в спасительный сон, когда в мою дверь начинает кто-то барабанить. Снова. В середине ночи. Ну просто дежавю какое-то!

Иду открывать, почему-то даже не удивляясь, когда вижу за дверью Тагирова. Только на этот раз он без малыша, зато с двумя мужчинами за спиной, которые подозрительно похожи на охрану, судя по их каменным лицам и одинаковой форме, состоящей из черных брюк и широких курток.

– Что тебе нужно? – спрашиваю зло, но Булат проходит мимо, отодвинув меня в сторонку, прямо в квартиру.

– Какого черта ты делаешь? – возмущаясь, иду за ним, пока он направляется в спальню, а потом к моей тумбочке, бесцеремонно открывая ящики и начиная шариться в них.

– Ты в опасности. Мы уходим, Вита, – коротко говорит он, доставая мой паспорт, который я всегда хранила в чертовой прикроватной тумбочке и он это прекрасно знал.

– В какой такой опасности? – ничего не понимая, смотрю на него. – Ты с ума сошел? Никуда я с тобой не пойду, убирайся отсюда!

Подойдя вплотную, Булат останавливается передо мной, подавляя меня своим высоким большим телом и заставляя отступить назад. Я чувствую, как липкий страх поднимается по спине и смотрю на его серьезное лицо, понимая, что влипла.

– Тагиров...

– Нам некогда сейчас разбираться, Вита, – говорит он. – Просто пойдем со мной, пожалуйста. Я объясню по дороге.

– Уходи! – качаю головой, отступая к стене. – Просто оставь меня в покое! Что тебе еще надо? Забудь, наконец, о моем существовании!

– Черт возьми, у меня нет времени на истерику! – шипит он, резко хватая меня за предплечье, а потом взваливая на плечо, как какой-то мешок с картошкой.

Естественно, я тут же начинаю верещать и вырываться, чувствуя накатывающую панику от его действий.

– Уходим, быстро! – направляясь к двери, командует своим телохранителям Тагиров, игнорируя мои крики и вынося меня из квартиры.

– Помогите, кто-нибудь! – кричу я изо всех сил, надеясь на соседей снизу или сверху, потому что, как назло, две другие квартиры на моем этаже пустуют. – Меня похищают, позвоните в полицию!

К сожалению, Булат со мной на плече и его охрана быстро заходят в лифт и, хотя я не перестаю кричать, а он ничего не делает, чтобы помешать мне, на первом этаже, когда мы выходим из лифта, никто не высосывается из своих квартир, чтобы поинтересоваться что за шум.

Машина припаркована прямо перед дверью подъезда и Булат беспрепятственно сажает меня на заднее сиденье, залезая следом, после чего мы с визгом шин, набирая стремительную скорость, уносимся с моей родной улицы.

– Ты что творишь, отпусти меня немедленно! – бью я Булата, куда только могу попасть. – Ненавижу тебя, подонок! Тебе это с рук не сойдет!

Он перехватывает мои запястья и дернув, крепко прижимает меня к своей груди, скрещая свои длинные ручища на моей спине, зажав мои собственные руки между нашими телами и удерживая таким образом, словно в смиренной рубашке.

– Замолчи, Вита. Успокойся! Я все объясню, – требует этот мерзавец, глядя на меня сверху вниз.

Я продолжаю свои попытки вырваться, дергаясь и пытаюсь использовать свободные ноги, не замечая, что мой халат практически распахнулся и задрался так, что скоро станет очевидно и его охране, и ему, что надеть нижнее белье я так и не успела после душа. Пока внезапно не чувствую громкий шлепок по бедру, который скорее шокирует, чем обжигает. Булат зло одергивает мой халат, держа меня одной рукой, но, прежде чем я успеваю сориентироваться, быстро перехватывает снова, продолжая крепко удерживать на своей груди, захваченной в ловушку сильного мужского тела.

– Вита, – предупреждающе рычит он и я испуганно оборачиваюсь на двух других мужчин, сидящих спереди, но они даже не смотрят в сторону зеркала заднего вида, глядя прямо перед собой, как какие-то роботы.

Внезапное унижение при мысли, что я настолько потеряла самообладание от страха, что чуть не оказалась голой и выставленной напоказ, перекрывает мою панику и я уже более осознанно поднимаю взгляд на Булата, резко выдыхая от понимания того, как непристойно близко друг к другу мы находимся. Его прерывистое дыхание овеивает мое лицо и, если раньше меня такая близость волновала, то сейчас я чувствую лишь желание побыстрее оказаться как можно дальше от него. Не могу терпеть физическую близость, не с ним.

– Отпусти, – говорю отрывистым голосом, инстинктивно дергаясь назад снова.

– А я могу тебе доверять? – приподнимает бровь Булат. – Или нас ждет еще одна битва?

– Я не буду тебя больше бить, – скрепя зубами, обещаю я, чувствуя, как быстро его сердце бьется под моими руками, несмотря на внешнее спокойствие. – Объясни мне, что происходит. Немедленно, Тагиров!

Он показательно медленно отпускает меня и я сразу же сажусь прямо, отодвигаясь максимально вплотную к двери, чтобы оказаться как можно дальше от него. Халат сбился и на груди, практически обнажая ее, и я спешу поскорее прикрыться, с опаской глядя на Булата, который даже не скрываясь пялится на меня, сардонически улыбаясь. Ненавижу эту улыбку!

– Я жду, – говорю зло, скрепя руки на груди. – Какого черта ты меня похитил?

– Я бы не назвал это похищением. Скорее спасением.

– От чего? – недоверчиво фыркаю я. – Меня не нужно спасать, если только от тебя, потому что ты пока единственная угроза в моей жизни.

– Хватит ерничать, Вита. Ты ведь далеко не дура и должна была уже понять, что я не просто так оставил на тебя ребенка посреди ночи, хотя мы не виделись до этого два года. После смерти моего отца, которая, кстати, не была естественной, что бы не говорили в новостях, я сам оказался под ударом, как и мой сын. Сейчас контроль снова в моих руках, но мой враг все еще на свободе. Не знаю, откуда он о тебе узнал, потому что хвоста за мной сегодня точно не было, но мой человек сообщил, что он уже послал за тобой свою группу. Я едва успел опередить их.

– Но зачем? – не понимаю я, чувствуя настоящий ужас при мысли, что со мной могли сделать его враги. – Я ведь никто тебе, Булат. Я не важна, чего они хотели этим добиться?

Он смотрит на меня, пронизывающим до костей, темным взглядом и я невольно ежусь, чувствуя его гнев. Тагиров не отвечает, просто сверлит меня глазами, пока я не начинаю нервно перебирать полы своего халата, не зная, куда себя деть.

– Они этого не знают, – наконец, говорит он. – Что ты не важна для меня. Теперь уж точно не узнают, потому что ты никуда не выйдешь из моего дома, пока я не буду уверен, что опасность миновала и мой враг ликвидирован.

Ликвидирован – значит убит? Что же это за люди такие?

– Так это правда, да? – затаив дыхание спрашиваю я, чувствуя, как мне становится дурно при этой мысли. – Ты действительно бандит?

– Никакой я не бандит, – закатывает глаза Тагиров. – Это не какие-то криминальные разборки, а просто семейная вражда за наследство, Вита.

– То есть, ты просто так рассуждаешь о ликвидации человека и считаешь себя обычным гражданином?

– Под ликвидацией я имею в виду арест, Вита, – насмешливо говорит он. – Я в жизни не убил ни одного человека и не собираюсь начинать. Все в руках закона.

– А поподробнее? – хмурюсь я, не слишком доверяя его словам.

– А подробностей никто не знает, – бросая взгляд на свою охрану, говорит Булат. – И тебе не нужно. Просто потерпи несколько недель. Я со всем разберусь и тебе больше не будет грозить никакая опасность.

– Не собираюсь больше ничего от тебя терпеть! – взрываюсь я. – С меня хватит, я не хочу иметь к тебе больше никакого отношения и разбираться с твоими проблемами не хочу! Говоришь, мне угрожает опасность? Ну и ладно! Я перееду из своей квартиры, но на этом все. Не собираюсь прятаться и тем более делать это там, где скажешь ты, с твоими людьми или с тобой рядом. Единственным хорошим во всей этой истории был Асад, но его ты уже отнял, так что плевать я хотела на тебя и твои слова, Булат! Немедленно останови машину и выпусти меня!

– Так и пойдешь, босая и в халате? – не воспринимает он всерьез мои слова.

– Да, пойду! – не желаю отступать. – Все лучше, чем терпеть тебя рядом. Я ненавижу тебя!

– И ты это до меня уже не раз донесла. Жаль, но ничего не поделаешь, Вита. Придется тебе быть хорошей девочкой и слушаться меня.

Мои глаза расширяются в ужасе от этого совсем не тонкого намека.

«Ты ведь моя хорошая девочка, Вита?»

«Хорошие девочки заслуживают награду».

«Хорошие девочки не заставляют своих мужей ревновать, Вита».

Я отчетливо слышу этот хриплый, интимный тон, которым он говорил лишь наедине со мной, в своей голове сейчас. На этот раз Булат совершенно бесстрастен, но триггер уже сработал. Я ощущаю до тошноты знакомое желание уступить ему.

Нет, это не я! Это прошлая Вита говорит во мне, но я давно закопала ее с ее глупой любовью к этому монстру.

– Пошел. Ты. К черту! – медленно и четко выговариваю я, вызывая на его лице очередную насмешку, потому что он не воспринимает меня всерьез.

– В свое время, обязательно. Ты стала острой на язык, Виталина Сергеевна. Мне нравится, это даже заводит.

– Не смей! Ты можешь говорить все, что хочешь, но знай, что я ни секунды не останусь с тобой! Я сбегу, сколько бы охраны ты не приставил, не оставлю ни единой попытки ускользнуть, понял?

– И от Асада сбежишь? – обезоруживает он меня одним предложением. – Знаешь, я очень плохо чувствовал себя, когда забирал его у тебя. Мне показалось, что ты очень привязалась к нему. Но вот, не прошло и суток, а ты уже дерзишь и порываешься исчезнуть. Быстро же ты о нем забыла.

– Зачем ты это делаешь? – в отчаянии цепляюсь за остатки своей злости, но ее уже смыло, стоило лишь вспомнить об отнятом у меня малыше. – Почему ты так жесток со мной, Булат? Что я тебе сделала?

Слезы снова текут из моих воспаленных глаз и на секунду лицо монстра смягчается. Он поднимает руку, пытаясь дотронуться до моей щеки, но я отворачиваюсь, не допуская этого прикосновения.

– Я не хочу быть жестоким, – вздыхает Тагиров, сжимая руку в кулак на своем колене. – Жизнь жестока, Вита. Я просто пытаюсь выжить и защитить свою семью. Обещаю, что не доставлю тебе больше неприятностей, если ты позволишь мне защитить тебя на этот раз. Я даже оставляю на это время Асада рядом с тобой.

– Разве ты не отдал его матери? – спрашиваю я. – Или хочешь, чтобы я жила в одном доме с твоей женой? Ты вообще нормальный?

– Это не твоя проблема, ты все равно ее не увидишь, – говорит он, окончательно убеждая меня в том, что передо мной совершенно не тот человек, которым он предстал передо мной в прошлом. – Просто сиди в доме, нянчись с ребенком и жди, пока я не скажу, что ты можешь вернуться к своей жизни. Моя жена не должна тебя беспокоить, Вита. У нее свое крыло и доступ в него для тебя закрыт. Как и ей туда, где будешь жить ты. Ну что, согласна? Или хочешь быть моей пленницей в одиночной камере?

Глава 5

Прижавшись к окну, я тихо плачу всю дорогу до дома Тагирова, делая вид, что нахожусь в этой машине одна. Так легче, потому что успокоиться я все равно не в силах.

Мне сложно уложить в своей голове образ мужа и этого незнакомого жестокого монстра, ведь всю нашу совместную жизнь, ровно до того дня, когда бросил меня, Булат был совсем другим мужчиной. Я именно поэтому и не могла смириться с его уходом. Потому что он всегда заботился о моем счастье, решал проблемы и лелеял так, словно я не женщина, а богиня, спустившаяся к нему с небес. Я не хотела верить, что он просто устал от меня и бросил, изменившись за один день. В первое время я была уверена, что у него были причины, которые он, вероятно, не мог озвучить. Я верила, что он вернется. А когда этого так и не случилось, начала заниматься самообразованием и ковырять свои раны, ища недостатки в себе, из-за которых он меня и бросил.

И все ради этого человека? Да его даже человеком назвать сложно, он просто бесчувственное животное!

До чего же больно осознавать, что он играл с первой нашей встречи. Я ведь чувствовала, что в его предложении переехать в Москву был подвох. Как и в наших участившихся «случайных» встречах. Почему я не подумала головой, почему связалась с ним?

Тогда

Новая работа нравится мне гораздо больше старой, а от нашей огромной столицы я просто без ума! До чего же правильно было переехать сюда, отбросив свои страхи и сомнения! И Булат Булатович не обманул, ничего от меня не потребовал и не ставил никакие условия, а просто помог по-человечески.

А я, честно признаться, кажется, влюбилась в него, как малолетняя дурочка. Вот что делает с девушкой мужское благородство! А он, наверное, и думать обо мне забыл. Устроил на работу и исчез на пару недель, а когда появился снова, лишь коротко спросил, как я устроилась и пошел в кабинет к нашему директору.

Однако, после этого я столкнулась с ним в торговом центре, а потом как-то даже в метро, хотя я была уверена, что такие люди, как он, не ездят в метро. Как бы то ни было, эти случайные встречи не помогли мне выбросить его из головы, а лишь больше раззадорили мои чувства. Я даже не надеюсь на взаимность, но в один прекрасный день все меняется, потому что на этот раз, придя в наш офис, он не идет к директору, а заходит ко мне, в кабинет, который я делю с двумя сотрудницами, уже вышедшими на обед. Повезло, что я вернулась за забытым кошельком, а то мы с ним разминулись бы.

– Здравствуй, Вита! – улыбается Тагиров, подходя ко мне и протягивая руку.

– Здравствуйте, Булат Булатович! – смущенно улыбаюсь я, заправляя волосы за ухо и пытаюсь не слишком явно рассматривать его, хотя он настолько красив, что удержаться сложно.

Моя рука, которую он бережно обхватил теплыми пальцами, слегка подрагивает от волнения.

– Поужинай со мной сегодня, – без предисловий ошарашивает меня мужчина.

– Зачем? – спрашиваю, слишком растерянная, чтобы подумать, прежде чем ляпнуть.

– Ах, всегда этот вопрос...! – усмехается Тагиров. – Затем, Виталина Сергеевна, что нравишься ты мне. Причем еще с нашей первой встречи в лифте, но видимо, пока я прямо не скажу, до тебя это так и не дойдет.

– Вы помните? – удивленно спрашиваю я.

Потому что я помню. Никогда раньше не видела таких мужчин: уверенных, властных, да и чего греха таить, красивых. Не знаю, как это объяснить, но от Булата Тагирова исходит какая-то особая энергия превосходства и не я одна это чувствую.

– Помню, – делая шаг ко мне, вполголоса говорит мужчина, заставляя мою грудь взволнованно вздыматься. Я рефлекторно отступаю, но, когда его руки ложатся на мои предплечья, заставляю себя замереть на месте. – Ты не похожа на девушек, с которыми я обычно встречался, но все равно зацепила меня с первого взгляда, Вита. Я не могу перестать думать о тебе.

– Я... Я не буду для вас девушкой на одну ночь! – заявляю откровенно, подавив свою робость. – Вы зря теряете время, если думаете, что я...

– Тсс... – кладет он палец на мои губы. – Я знаю, что ты не такая, Вита. И приглашая тебя на свидание я имею в виду ужин, поход в театр или на балет, да даже в кино, в зависимости от твоих предпочтений, и, может быть, поцелуй на ночь. Что скажешь?

– А вы уволите меня, если откажусь? – спрашиваю я, хотя это не имеет значения, ведь я не хочу отказываться.

– Это не ультиматум, Виталина Сергеевна, – насмешливо улыбается он, отпуская меня, но не отходя. – Я большой мальчик и умею принимать отказы.

– Тогда я согласна, – выдыхаю я, силясь спрятать улыбку, растягивающую губы против моей воли.

Он улыбается в ответ, открыто и непринужденно, а потом снова касается моей руки и обещает заехать за мной вечером.

В ту ночь, после сказочного свидания, Булат действительно лишь сдержанно целует меня на пороге моей квартиры, спрашивая, не хотела бы я продолжить с ним встречаться, и я, окрыленная счастьем, говорю ему «да». Теперь становится смешно, стоит вспомнить, как он медленно, словно пугливого зверька, загонял меня в ловушку, играя роль того, кем не являлся на самом деле.

Ведь действительно, разве похож Булат Тагиров на того, кто будет ждать и ограничиваться объятиями и поцелуями с девушкой, с которой встречается месяц, если только изначально это не было какой-то игрой? Не знаю, что за спортивный интерес заставил его зайти настолько далеко, чтобы жениться, но он явно не пожалел средств и времени для удовлетворения своего странного каприза.

Так же, как и теперь, не беспокоясь о методах и моих чувствах, играет мной, как хочет, шантажируя ребенком, с которым я рассталась всего каких-то полдня назад. Я ведь и правда не могу отказаться, хотя это было бы правильнее всего. Мне так плохо сейчас, что только мой львенок сможет утешить меня и уменьшить агонию, которую я испытываю. Он – мое лекарство, и именно поэтому я соглашаюсь с гнусным планом Булата. Даже зная, что после всего, мне, возможно, будет еще больнее.

Мы едем довольно долго, пока город не остается позади. Дом Булата находится в лесистой местности, на огороженной территории, и тут у него точно нет соседей, потому что кругом глушь. Когда массивные ворота закрываются за машиной я невольно чувствую себя пленницей, за которой только что захлопнулась дверь в тюрьму, и ежусь от беспокойства.

Мы подъезжаем к массивному дому, который иначе, как поместьем, не назовешь, и видя, как много охраны рассредоточено по огромной территории за высоким забором, я чувствую, что Тагиров преуменьшил опасность.

– Приехали, выходи, – говорит мне Булат, а потом опускает глаза на мои босые ноги и хмурится. – Хотя, постой-ка.

Он выходит из машины и говорит что-то одному из телохранителей, который быстрым шагом направляется в дом, а потом выходит обратно с тапочками в руках, которые Булат забирает у него и открыв дверь, протягивает мне.

– Обувайся и пойдём.

Выбора у меня нет, так что я слушаюсь. Надеваю большие на пару размеров тапочки и затянув потуже пояс банного халата, выхожу из машины, направляясь вслед за Тагировым в

дом. Как и можно было ожидать, внутренняя обстановка соответствует внешней, но я не трачу времени на рассматривание претенциозного дизайна.

– Ты будешь жить в левом крыле, – на ходу объясняет мне Булат, пока мы проходим по большому холлу в более узкий коридор и не добираемся до левого крыла дома. – У тебя в распоряжении четыре комнаты и свой участок сада. Охрана круглосуточная, так что погулять по дому без разрешения не удастся, но рядом с твоими комнатами есть бассейн и хамам, так что можешь пользоваться. Туда никто не ходит.

– Почему?

– Потому что это мужская половина дома, – отвечает Булат. – У женщин в правом крыле есть свой бассейн. Там сейчас живет только моя мать и жена. Остальные жены отца разъехались после его смерти, а мои сестры замужем.

– У твоего отца тоже было несколько жен? – не могу сдержать сарказм, с вызовом глядя на него, но Булат и бровью не ведет. Он совершенно не чувствует себя пристыженным за то, что обманул меня.

– Четыре, если быть точным, – нагло ухмыляется мерзавец.

– И они жили в одном доме? – не могу скрыть изумление.

Дурдом какой-то!

– Да, но это приносило больше проблем, чем удобства, – морщится он. – Одно из глупых решений моего отца, хотя он был совсем не глупым человеком.

Мне становится неудобно, ведь его папа умер совсем недавно, а я не принесла соболезнования, хоть он и не заслуживает от меня никакой человечности. Тем не менее, я не могу заставить себя открыть рот и сказать что-то, поэтому дальше иду молча.

Булат останавливается перед большими двойными дверями и охранник, стоящий перед ними, распахивает их перед нами. Мужчина пропускает меня вперед и войдя в довольно уютную на вид гостиную, с настоящим камином и красивым роялем в углу, я незаметно осматриваюсь, замечая, что французские двери выходят в сад, огороженный высокой живой изгородью. При других обстоятельствах я бы восхитилась этой красотой, но тревога все еще не отпускает меня.

– Спальня тоже имеет выход в сад, она вон там, – кивает в сторону двери в углу Тагиров. – А в той стороне еще одна спальня, но там пока расположилась няня с ребенком.

Это сразу же привлекает мое внимание.

– Асад здесь? – взволнованно смотрю на него.

Булат одаривает меня нечитаемым взглядом и чуть прищурившись, поджимает губы.

– Пойдем, – вздыхает он, направляясь в другую сторону и я послушно иду следом, чувствуя, как сердце учащенно бьется от предвкушения встречи со своим рыжиком.

– Булат Булатович! – вскакивает с кровати, спавшая до этого, женщина, при нашем появлении в спальне.

Но я не обращаю на нее внимания. Мой взгляд прикован к детской кроватке у дальней стены и я целенаправленно иду к ней, пока с резким вздохом не останавливаюсь, вцепившись пальцами в деревянные бортики и жадно разглядывая спящего малыша.

Асад. Мой львенок. Здесь, совсем рядом.

– О-он только что заснул после кормления, – врывается голос няни в мое сознание, когда я уже тяну к нему руки, заставляя остановиться.

– Оставь, – жестко говорит Тагиров и я испуганно смотрю на него, но он говорит это няне, а не мне.

Я снова смотрю на спящего ангелочка и осторожно касаюсь его нежной щечки, прежде чем отойти от кроватки. Няня права, жестоко будить ребенка из-за своих бушующих эмоций. Судя по тому, что на улице уже светло, а малыш только что поел, сейчас примерно шесть часов утра.

– Простите, что разбудили вас, – говорю няне, прежде чем нехотя направиться к выходу. Та что-то бормочет про то, что никаких проблем, выглядя смущенной и испуганной.

Мы с Тагировым выходим, закрывая за собой дверь, и я неловко останавливаюсь в середине гостиной, не зная, что делать дальше. Его молчание действует на нервы и держит в напряжении.

– Твоя охрана может забрать мою одежду? – спрашиваю у Булата, желая скрыть свои чувства и уже укрыться чем-то более существенным, чем халат. Не думаю, что смогу больше уснуть сегодня, хотя и не спала практически ночью.

– В твою квартиру никто пока не сунется, но я распоряджусь, чтобы тебе доставили новую одежду, – говорит он. – Няня останется здесь, с тобой. Отдохни пока, еще рано. Или хочешь, чтобы приготовили завтрак?

– Не надо, – говорю я. – Просто уйди уже.

К счастью, он не возражает и не строит из себя хозяина. Только продолжает прожигать глазами, словно хочет рассмотреть, что творится в моем мозгу, и спокойно сказав «Как пожелаешь», уходит, оставляя меня, как я и хотела.

Глава 6

Я тупо сижу на диване, уставившись на сад через стеклянную стену. Внутри клокочет злорада, которую мне хочется вылить во что-то, но я, как всегда, подавляю ее внутри себя. Пока через какое-то время не заходит молодая женщина в униформе прислуги со стопкой одежды в руках.

– Здравствуйте! – увидев меня в гостиной, останавливается она. – Меня зовут Наташа, я горничная. Булат Булатович прислал вам одежду и просил передать, что пока не сделают доставку из магазина, у вас нет других вариантов, кроме как принять ее или продолжать ходить в своем халате.

Она не выглядит смущенной, значит, не в первый раз этот самодур ставит ультиматумы и навязывает другим свою волю, не стесняясь прислуги. Как же живут его бедные домашние под такой тиранией?

– Спасибо, Наташа. Положите все здесь и можете идти, – говорю я женщине, и она кладет то, что оказывается комплектом мужской пижамы, на кресло, прежде чем выйти.

Помнится, когда мы были женой... вместе, Булат отказывался спать в чем-либо, кроме нижнего белья. Но даже если это действительно его пижама, я не собираюсь ее надевать. Этому козлу хотя бы хватило такта не присылать мне одежду своей жены.

Так, стоп! Его жена! Он же сказал, что она живет в другом крыле, в этом же доме. Тогда почему Асад с няней находятся здесь? Почему ребенок не со своей матерью? Ведь забирая его у меня, Тагиров сказал, что малыша ждет его мама. И как бы я не цеплялась за рыжика, по факту, он действительно чей-то сын и должен находиться рядом с мамой или хотя бы бабушкой, а не с няней, в мужском крыле дома.

Я даже не думаю, прежде чем разъяренной фурией выскочить из комнаты в коридор, где меня останавливает удивленный охранник.

– Куда вы? – преграждая мне дорогу, но не трогая, спрашивает он.

– Мне нужно поговорить с Булатом. Срочно! – требую я, не намеренная ни минуты ждать ответов, так необходимых мне.

Он обманул меня, в который раз, а я даже не сразу поняла! Булат не отдавал ребенка матери, потому что, когда я согласилась на его поганое условие и приехала сюда, ребенок уже жил в этой комнате с няней. Вряд ли его забрали от матери в середине ночи и перенесли сюда ради меня. Слишком уж обжитой казалась спальня, детские вещи валялись тут и там, а няня преспокойно спала в кровати, в собственной пижаме.

– Булат Булатович удалился к себе и приказал не беспокоить его до девяти утра, – отказывает мне охранник.

– А мне плевать! Немедленно свяжись с ним или я переверну этот дом вверх дном!

Я не узнаю саму себя, ведь совсем не в моем духе так разговаривать с людьми, но в этот момент мне все равно на чужое мнение. Видимо, есть предел и моей выдержке, потому что я действительно готова все здесь разнести, если мне немедленно не дадут ответы на все вопросы.

Боже, мне кажется, я схожу с ума... Что я делаю со своей жизнью? Почему позволяю себе быть чужой марионеткой? И ради чего? Ради Булата? Так я его ненавижу! Теперь уж точно ненавижу всей душой. Ради Асада? Но ведь он не мой. Моя привязанность, моя слепая любовь к нему – это просто необъяснимое и в корне неправильное чувство. Лиза была права, права во всем! А я просто выгнала ее, словно она враг мне, хотя сестренка лишь хотела донести до меня, что я совершаю непоправимую ошибку. Но ведь даже если умом я это понимаю, то все равно нет сил отказаться сейчас от малыша! Я реально не могу без него. Это слишком больно – остаться без него.

С его появлением моя жизнь изменилась полностью. Незаметно, мало-помалу, я настолько привыкла к нему, что он словно стал частью меня. Всегда вместе, ночью и днем, ведь с работы меня, в конце концов, уволили, и я нашла себе удаленную работу на несколько часов в день, чтобы не тратить деньги Булата и дальше.

Утром, даже еще не открыв глаза, я первым делом думала о том, что вот сейчас увижу своего солнечного мальчика и прикоснусь губами к его бархатной щечке, прижму к груди. Я могла часами разговаривать с ним, не выпуская из рук, и отчаянно скучала, когда он спал. А спал он много, потому что слишком маленький еще. Лиза не уставала повторять, что я веду себя ненормально, что нельзя быть настолько зависимой от ребенка, но мы только ссорились из-за этого, пока несколько дней назад я не попросила ее уйти из моей квартиры, о чем теперь горько сожалею. Я действительно поступаю во вред самой себе, она говорила правильно. И что она теперь почувствует, когда поймет, что я исчезла? А если Булат не предоставит мне телефон? Если не даст выйти на связь и сообщить, что я в порядке?

Боже, как же я ненавижу себя! Наверное, ничуть не меньше, чем Булата в этот момент, потому что нельзя быть более презируемым человеком.

А Асад? Разве я спросила его, нужна ли ему такая одержимая и неразумная псевдомать? Потому что я не его мать, я не могу ему ничего дать. У ребенка есть родители, родные. Я всего лишь должна была сыграть роль временной няни, как и та женщина, что находится рядом с ним сейчас. А вдруг Тагиров и впрямь, не успев вернуть, снова отобрал его у своей жены? Только чтобы задержать меня здесь, потому что я не хотела идти с ним.

Как же тошно от самой себя... И от него.

Нет, пора кончать этот цирк! Даже если меня это убьет, я должна положить конец всему, потому что нельзя так жить. Но сначала... Сначала я обязательно получу все ответы на свои вопросы. Тагирову не удастся просто отмахнуться от меня. Я не позволю!

– Пожалуйста, вернитесь к себе, – пытается направить меня в сторону двери охранник, но я резко отталкиваю его в сторону и бегу в том направлении, в котором мы с Тагировым пришли ранее.

К сожалению, меня догоняют быстрее, чем я успеваю выскочить в большой холл из узкого коридора. На этот раз охранник не церемонится и не обращая внимания на мое возмущение, за руку тащит обратно.

– Приказы Булата Булатовича не оспариваются, – вталкивая меня в комнату, заявляет мне этот мужчина. – Как только он выйдет из своих комнат, я сообщу, что вы хотели с ним встретиться.

– Послушай меня, ты..! – Мою гневную речь обрывает громкий детский плач и я с досадой понимаю, что совсем забыла о спящем рядом малыше. – Черт, ладно! Но после девяти утра я жду его здесь или он очень пожалеет о том, что проигнорировал меня, понял?

Охранник кивает и выходит, закрывая за собой дверь, а я иду в сторону комнаты няни, потому что хочу сама успокоить и, чего греха таить, увидеть поскорее своего львенка. Который на самом деле не мой. Нужно постоянно держать это в уме.

– Сладенький мой, знаешь, как я по тебе скучала? – воркую я Асаду десятью минутами позже, устроившись с ним на кровати в предоставленной мне Булатом спальне. – Будь ты постарше, ты бы понял меня, львенок.

Малыш просто хлопает глазками, глядя на меня с совершенно спокойным выражением. Асад слишком маленький, чтобы быть привязанным к одному человеку. Ему два месяца, точно не больше трех. Кто его кормит – в том он и нуждается. Но мне все равно неприятно думать, что он может забыть меня, стоит мне только исчезнуть из его жизни. Жаль, что и я не могу вот так же забыть о том, что он у меня был. Пусть ненадолго, но все же он был моим.

Внезапно малыш хватается меня за палец, сжимая его в крошечном кулачке, и мое сердце замирает от нежности.

– Я не должна любить тебя, но я люблю, Асад, – шепчу в его кожу, прежде чем прижаться губами к гладкому лобику. – И ради тебя, я добьюсь справедливости от монстра, который зовет себя твоим отцом. Ты не должен расти ни у няни, ни у чужой тетеньки, рыжик. Тебе нужна твоя мама. Я была такой эгоисткой, когда хотела, чтобы ты остался со мной. Прости, малыш!

Я чувствую, что это наши последние часы вместе. И это самый правильный способ попрощаться. Так что я лежу рядом с ним и просто разговариваю, как делала это много раз в прошлом, пока Асад, прикрыв свои красивые глазки, не засыпает. Прямо к девяти утра, словно знает, что мне нужно поговорить с его отцом.

Тихо встав с кровати, я выхожу и стучусь в дверь к няне, которая уже встала и оделась.

– Я ухожу, присмотрите за ребенком, – прошу у нее. – Он спит в той спальне.

– Конечно, – кивает она.

Я сжимаю волю в кулак, прежде чем идти в очередную контратаку. Мне не хочется снова спорить с охранником, я до смерти устала, но не время сейчас сдаваться. Открыв дверь, выглядываю в коридор и вижу, что мужчина на посту сменился.

– Вам что-то нужно? – спрашивает меня более молодой охранник.

– Я хочу поговорить с Булатом. Немедленно, – требую я, вся скукожившись внутри в ожидании очередного отказа.

– Я уже иду, Вита, перестань доставать охрану, – раздается голос из другого конца коридора и я вижу направляющегося к нам Тагирова.

Он выглядит бодрым и выспавшимся, одетый в брюки и пуловер, с идеальной прической и начищенными ботинками. Я же все еще стою в своем халате и тапочках не по размеру, на голове наверняка птичье гнездо, и если раньше меня это не беспокоило, то при виде такого уверенного и собранного Булата становится не по себе.

– Что застыла, пойдем, – усмехается он, беря меня под локоток и ведя в противоположную сторону. – Сама ведь хотела поговорить. У меня как раз есть время за завтраком.

– Не трогай! – одергиваю свою руку, продолжая идти за ним.

– Какая ты злая с утра, Вита. Не выпалась?

– У меня нет повода быть довольной. Ты продолжаешь водить меня за нос, Тагиров, и я до смерти от этого устала.

Мужчина останавливается, бросая на меня предупреждающий взгляд, и кивает в сторону двери в конце коридора.

– Подожди, пока мы не сядем за стол переговоров, Вита. Я не привык обсуждать личные дела при охране.

Он открывает передо мной дверь и, как только я захожу внутрь, запирает ее за нами, заставляя меня еще больше занервничать.

– Не бойся, приставать не буду, – усмехается гад, словно это в принципе возможно.

Я еще помню его слова о том, что он устал от меня. Знаю, как выгляжу сейчас и иллюзиями не страдаю.

– Ты обманул меня! – снова перехожу к делу. – Ты сказал, что везешь Асада к его матери!

– Сядь, Вита, – отодвигая для меня стул перед накрытым едой столом, жестко чеканит он.

– Я не хочу садиться! И есть не хочу! Мне нужны ответы от тебя, Булат!

– Ты их получишь только на моих условиях, – говорит он. – Сядь, для начала.

И я сажусь. Уступаю в малом, потому что заставить его ответить насильно не в моих силах. Сжимаю руки в кулаки, когда он садится во главе стола и начинает разливать кофе в две чашки, пододвигая одну ко мне вместе с молочником и сахарницей.

– Все еще любишь сладкий кофе, Виталина Сергеевна?

– Не играй на моих нервах, Тагиров! Хватит!

– Я всего лишь хочу, чтобы ты поела, – пожимает плечами мужчина. – Наполни свою тарелку и я отвечу на один вопрос.

– Отлично! Почему Асад не у своей матери, а с няней в мужской половине дома? – кладя на свою тарелку первое, что вижу – яичницу с овощами, спрашиваю у него.

– Его матери здесь нет, – спокойно отвечает Булат, отпивая свой кофе.

Моя рука дрожит, когда я кладу ложку обратно на тарелку.

– Но ты ведь сказал, что твоя жена в женском крыле! Или это не она родила тебе ребенка?

Моему возмущению нет предела. Ну вот что он за человек такой?!

– Ты забыла поесть, прежде чем спросить, дорогая, – напоминает он, кивая на мою тарелку.

– Я не могу есть, как ты не понимаешь? Какой к черту, завтрак, когда мы обсуждаем такие важные вещи?!

– Тем не менее, поесть придется, – все так же раздражающе спокойно говорит Булат. – Конечно, если тебе нужны ответы.

Вот ведь козел! Ненавижу его!

Беру вилку и со злостью запихиваю в рот яичницу, вкуса которой даже не ощущаю. Мой взгляд не отрывается от Тагирова и он смотрит в ответ с удовлетворением, которое мне хочется согнать с его лица хлесткой пощечиной. Когда я проглатываю еду, мне становится дурно, потому что я на самом деле терпеть не могу яичницу в сочетании с овощами, так что быстро запиваю ее черным кофе, который он налил нам.

– Возьми лучше кашу или тосты, – предлагает Тагиров, сам добавляя сахар и сливки в мой кофе и помешивая его ложечкой.

– Отвечай, – бросаю на него злой взгляд, отодвигая тарелку и беря новую, куда кладу две ложки овсянки.

– Нет, моя жена не мать Асада. У нас нет общих детей, – отвечает он.

Моя голова готова взорваться. Да сколько можно водить меня за нос? Сначала говорит одно, а потом другое. Я быстро кладу в рот немного овсянки, проглатывая ее и вытирая рот салфеткой, в нетерпении задать следующий вопрос.

– Зачем ты меня обманул, тогда?

– Потому что в любом случае не мог оставить Асада с тобой.

Черт, как же больно! Он прав, но это все равно больно. И жестоко с его стороны, хотя чего еще от него ожидать.

Я уже не думая ем ложку за ложкой, чтобы получить ответы на все свои вопросы.

– Твоя жена не хочет растить Асада?

– Нет, что неудивительно, учитывая, что это не ее ребенок.

– Что с его матерью?

– Она его тоже не хочет.

Вот так вот. Спокойно, без единой эмоции. Что же это за женщина, раз отказалась от ребенка, которого приняла решение родить? Ведь не заставил же он ее?

– Она добровольно его родила? Или ты запретил ей делать аборт?

– Что за фантазии, Вита? – усмехается Булат, словно я сказала что-то смешное. – Она сама решила родить и никто ребенка у нее не отбирал.

– Если твоя жена не хочет ухаживать за ребенком от другой женщины, то почему твоя мать им не займется? – задаю следующий вопрос.

– Она лечится от рака, ей не до него, – мрачно говорит Тагиров, впервые проявляя настоящие чувства.

– О, мне жаль, – бормочу я, потому что даже врагу такого не пожелаешь.

Мама – это святое. Я еще помню, как сама мучилась, когда моя мама заболела, а потом умерла. Ложка выскальзывает из моей руки, громко клацая об тарелку, но я не спешу снова ее брать. Кусок в горло не лезет уже, но все равно задаю вопрос:

– Значит, няня – это единственный выход в случае с Асадом, да? – спрашиваю с грустью, потому что при мысли о том, что малыш останется без мамы мне становится дурно. – Может, твоя жена передумает, если проведет с ним немного времени?

– Этого не будет, – качает головой Булат. – Не каждая женщина способна принять чужого ребенка, Вита. Но у него, по крайней мере, есть отец. Тебе не стоит беспокоиться за моего сына. Он ни в чем не будет нуждаться.

– Да уж, – обводя взглядом шикарную столовую, в которой мы завтракаем, с презрением говорю я. – В материальном плане не будет.

– Ты драматизируешь, – хмыкает Тагиров. – Как насчет десерта? Мой повар готовит шикарные маффины.

– Знаешь что..! Сам ешь свои маффины! – со злобой говорю ему, вставая из-за стола.

– Ух, какая экспрессия! Ты мне такой нравишься, Вита.

– А мне пофиг! Глаза бы мои тебя не видели, Тагиров! Надеюсь, ты предоставишь мне уединение, раз уж я стала пленницей в этом доме, и не будешь мозолить глаза.

– Я слишком занят, чтобы развлекать тебя, уж прости, дорогая, – ухмыляется он.

Очередное напоминание о моем месте в его жизни. Вот только меня это не задевает больше так, как раньше. Я действительно хочу находиться как можно дальше от него, поэтому спешу уйти.

Глава 7

– Ты обещал, что отпустишь меня, Булат!

– И я сдержу обещание, – говорю мрачно. – Как только Джалал окажется в тюрьме. Ты должна понимать, что выходить за пределы этого дома для тебя сейчас небезопасно.

– Я устала, Булат, – со слезами отчаяния в глазах смотрит на меня Аза. – Я задыхаюсь в этой клетке. Когда умер твой отец... Как бы жестоко это не звучало, я испытала облегчение и новую надежду на то, что ты сдержишь свое обещание. Что еще мне нужно сделать для тебя?! Чего ты хочешь в обмен на мою свободу?

– Ради Бога, успокойся! – теряя терпение рычу на нее.

Я никогда не позволял себе повышать голос на жену, всегда относился к ней с уважением, как она того заслуживает, но в последние дни все три женщины в этом доме словно сговорились свести меня с ума своими требованиями.

Аза вздрагивает и отступает назад, потупив взгляд, и я знаю, что это инстинктивная реакция на мужскую агрессию. Не знаю, кто запугал ее больше: собственный отец или мой сумасшедший брат, за которым ей «повезло» оказаться замужем до меня, но за столько лет я так и не смог добиться от нее полного доверия.

– Аза, – говорю мягче. – Тебе осталось потерпеть совсем немного. Как только все окажется позади ты сможешь начать новую жизнь. Без меня и без моей семьи.

– Я уже сомневаюсь в этом, – комкая руками ткань платья, качает она головой.

Пряди ее длинных рыжих волос спадают вперед, на хрупкое плечо, и я морщусь при виде торчащей косточки на ключице. Она вся исхудала с тех пор, как узнала, что Джалал вернулся. Что ее свобода оказалась дальше, чем она думала. А ведь когда я встретил ее впервые, еще семнадцатилетней девчонкой, она была такая же тощая от недоедания и боялась даже глаза поднять в присутствии мужчин. Тем не менее, это не помешало мне быть очарованным ее яркой красотой. Я ни слова не сказал против, когда отец объявил, что она станет моей женой. И она стала бы ею уже тогда, если бы мой проклятый брат не забрал ее себе и не искалечил, оставив после себя лишь загнанного испуганного зверька, вместо счастливой молодой женщины, которой она должна была стать.

Если бы в тот раз он не вмешался, если бы я был дома... Если бы Аза стала моей в тот момент, то сейчас все было бы по-другому. Не было бы Виты. И возможно, не было бы даже Асада.

– Мне нужно навестить маму, – отбрасывая прочь мысли о несбывшемся, говорю ей. – Поешь что-нибудь, ты выглядишь, как живой труп. И ничего не бойся. Даже если я умру, и весь этот дом окажется в осаде, тебя и других женщин в любом случае выведут через новые туннели. Кроме тебя и мамы никто не знает код, так что вы даже вдвоем сможете выбраться, если не покинете свои комнаты.

– А она? – останавливает меня ее голос уже у двери. – Ты ведь поселил ее в своих комнатах, Булат, и оттуда тоже есть выход. Ты уже показал его ей?

– Для ее же безопасности ей лучше не знать, – качаю головой. – Няня выведет ее и ребенка.

– Ты все еще чувствуешь что-то к ней?

Я нехотя оборачиваюсь, удивленный и недовольный ее внезапно проснувшимся любопытством.

– Почему тебя это волнует, Аза? Я же сказал, что не буду обсуждать с тобой свою личную жизнь. И ее присутствие в нашем доме ничего не меняет. Она здесь только потому, что я втянул ее во все это и моя совесть не позволяет мне дать ее убить или замучить в поисках ответов из-

за моей глупой ошибки. Забудь о том, что она здесь, и не ищи с ней встреч. Ничем хорошим это для тебя не кончится.

– Я поняла тебя, – поджигает губы Аза, взмахивая рукой. – Иди к своей матери, я слышала, она сегодня была слаба.

– Ты не навещала ее?

– Нет. Она ненавидит меня и болезнь этого не изменила. Твоя мать запретила мне переступать порог ее комнат.

На это мне нечего ответить. Развернувшись, я молча выхожу, думая о том, что маме пора бы смягчить свой гнев, потому что вины Азы в гибели моего брата нет. Она меньше всех виновна в произошедшем.

Иду прямо по коридору, пока не дохожу до комнат мамы. Моя мать была второй женой отца, но именно ее все негласно считали главной, потому что папа сам дал ей это положение своим отношением. После его смерти она единственная искренне горевала о нем, в то время как остальные жены с удовольствием покинули этот дворец, всю жизнь бывший для них тюрьмой.

– Она не спит? – заходя в гостиную, спрашиваю сиделку, вышивающую, сидя на диване.

– Нет, ждет вас, Булат Булатович, – встает при моем появлении женщина.

Я направляюсь к спальне и постучавшись, заглядываю внутрь. Мама сидит у растопленного камина в кресле и выглядит бледнее обычного.

– Заходи, сынок, – говорит она, глядя на меня из-под тяжелых век.

Я закрываю за собой дверь и подойдя к ней, целую в лоб, прежде чем сесть на скамеечку у ее ног и взять за тонкую руку.

– Как ты сегодня, мама?

– Нормально. Не нужно обращаться со мной, как с инвалидом. Расскажи лучше, как продвигаются поиски Джалала.

– Пока никак, – вздыхаю я, не желая разговаривать с ней о своих проблемах.

Моя мать умная женщина, она быстро поняла, что никакими женскими чарами внимание отца не удержать и быстро стала для него надежным другом и партнером. Он разговаривал с ней так, как не мог ни с кем другим, делился своими проблемами и сомнениями. И мой единственный родной брат был таким же, они были очень близки, в то время, как я большую часть своей юности провел сначала в закрытой школе за границей, а потом в университете. У всех детей моего отца были свои роли и мне досталась та, что предполагала большую свободу от семьи и традиций, но вместе с тем, заставила папу еще пристальнее следить за мной и контролировать, чем моих братьев. А также отдала от моей матери.

– Ты обещал, что не будешь убивать, Булат, – в который раз напоминает она мне.

– Я не буду, мама. Пусть все решит закон. Я не хочу следовать дикарским привычкам папы.

– Ты уже решил все с Ахметовыми?

– Нечего решать, – отрезаю бескомпромиссно. – Они помогают ему. Из-за них он смог проникнуть сюда и убить папу

– Я говорила ему не иметь с ними дел, – вздыхает мама. – Зря он меня не послушал.

Да уж, зря. Почти год назад отец выдал замуж мою самую младшую сестру Раяну, которой едва исполнилось семнадцать, за сына главы клана Ахметовых. И эти шакалы не упустили шанс предать его ради наживы. Не знаю, что обещал им Джалал, но они купились, наплевав на все договоренности и родственные связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.